

Симон Соловейчик

ПЕДАГОГИКА ДЛЯ ВСЕХ

Симон Соловейчик

ПЕДАГОГИКА ДЛЯ ВСЕХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9
ББК 88.37
С60

Соловейчик, Симон.

С60 Педагогика для всех / Симон Соловейчик; авт. пред. Андрей Максимов. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-17-099375-8.

«Педагогика для всех» впервые вышла в середине 80-х годов и сразу стала сенсацией.

Автор книги — Симон Соловейчик, знаменитый педагог, писатель, журналист, автор бестселлеров для детей и родителей «Учение с увлечением», «Непрописные истины воспитания», «Час ученичества» — выпустил книгу, отвечающую на вопрос, откуда берутся хорошие дети. Отчего в одинаковых условиях в одних семьях вырастают хорошие дети, а в других плохие? Почему для воспитания детей одной нашей любви недостаточно?

«Педагогика для всех» не предписывает, как жить и каким быть: она исследует, при каких обстоятельствах с детьми все будет хорошо, а при каких непременно будут трудности.

УДК 159.9
ББК 88.37

ISBN 978-5-17-099375-8.

© Соловейчик С., текст
© Максимов А., предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

Андрей МАКСИМОВ

ДОН КИХОТ РОССИЙСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

НАЧНУ С ТОГО, с чего ну никак не принято начинать предисловия, а именно с благодарности.

Несколько лет я предлагал разным издательствам выпустить выдающуюся книгу Симона Львовича Соловейчика «Педагогика для всех».

Никто не возражал. Все даже радовались: «Соловейчик? Педагогика? Воспитание? Интересно...»

И... ничего не происходило.

А в Издательстве «АСТ» произошло. Вы держите в руках книгу Симона Львовича Соловейчика «Педагогика для всех».

Повторю для тех, кто пропустил: это выдающаяся книга. Ее просто обязан прочесть любой человек, вне зависимости от того, является он профессиональным педагогом или нет, и даже вне зависимости от того, взрослые у него дети, маленькие или их нет вовсе.

Соловейчик заметил, что воспитание детей — самое древнее из человеческих дел. А ведь действительно... Как только начали рождаться первые дети — первые взрослые начали их воспитывать. Мало того... Что такое изгнание Адама и Евы из рая, как не воспитательный акт Отца в отношении своих детей?

Поэтому неудивительно, что с тех пор, как люди научились писать, они начали сочинять педагогические трактаты. Чем с удовольствием и продолжают заниматься.

В любом книжном магазине — огромное количество книг по воспитанию. И современных авторов. И совсем не современных.

Что же отличает хорошие педагогические книги от иных?

Во-первых, хорошая книга, посвященная проблемам воспитания, должна помогать тем, кто занимается с детьми. Это должна быть практическая книга.

Я уже многократно говорил и писал о том, что в нашей стране не просто плохая система образования, а можно легко сказать, что системы такой нет вовсе. За образование своих детей, за то, чтобы они выросли достойными и счастливыми гражданами, в решающей степени отвечают родители.

Мы, родители, поставлены в такие условия, что просто обязаны быть педагогами. У нас просто нет иного выхода. И в этом сложном деле книга Соловейчика, безусловно, незаменима.

Уверяю Вас: ощущение, что Вы читаете книгу, быстро исчезнет. Ему на смену придет абсолютно реальная иллюзия того, что с Вами беседует очень умный, знающий человек, который, кажется, готов дать Вам совет в любой трудной ситуации. Замечу, что, если относиться к общению со своим ребенком как к важнейшему делу жизни, такие ситуации возникают ежедневно.

Но для того чтобы педагогическая книга была выдающейся, ей мало быть только практической. Она еще обязательно должна быть и философской.

Само слово «философия» нас пугает. Нам представляется, что оно относится к древним бородатым людям, а к нам лично вообще никакого отношения не имеет. Это ошибка.

Однажды я понял, что все люди являются психологическими консультантами: все мы даем друг другу советы, опираясь, как правило, на собственный опыт и больше ни на что. И я начал работать над созданием психологической системы, которая будет обращена не к специалистам, а ко всем людям, поможет им помогать друг другу в житейских психологических ситуациях.

Как назвать эту систему? Много было вариантов, в конце концов я остановился на слове «*психофилософия*». Почему? Потому что у каждого из нас есть своя психика, но есть и своя философия, даже если мы не отдаем себе в этом отчета. Ведь любой человек определенным, ему свойственным образом относится к жизни и к смерти, к любви, к деньгам, и, конечно, к детям.

Понимаете? Философия — не прерогатива ученых, а свойство каждого человека. У Вас, того, кто держит в руках эту книгу, есть своя философия жизни.

Вот такая, очень практическая и очень важная философия открывается и в книге Соловейчика. Это не заумь, а основа наших отношений с ребенком, их суть.

Чтобы не быть голословным, приведу всего одну цитату, дабы был понятен, с одной стороны, уровень мышления этого удивительного педагога и писателя, а с другой — абсолютная простота и ясность изложения.

Наугад открываю книгу, читаю: «Сын не судья своему отцу, но совесть отца — в его детях. Они каким-то образом связаны с нами, и если мы поступаем дурно, то это сказывается на них. Может быть, чувство вины остается в наших глазах, и дети его улавливают?»

Разве за этими, абсолютно ясными словами не скрыта философия наших отношений с детьми?

Три главы книги: «Цели воспитания», «Условия воспитания», «Средства воспитания».

Три абсолютно практических беседы, выводы которых просто-таки необходимы всем родителям.

Три очень ясно написанных философских трактата, позволяющих иначе взглянуть на суть воспитания, на наши взаимоотношения с детьми, переворачивающих и голову, и душу.

Кто же такой этот Симон Львович Соловейчик — выдающийся педагог, писатель и мыслитель?

В своем архиве я обнаружил старую театральную программку. Спектакль назывался «Изгнание Палагиных». Автор Симон Соловейчик. Постановка — народного драматического театра Дворца культуры Московского автозавода имени Лихачева. В выходных данных отыскал год — 1982.

За давностью лет спектакль я помню плохо. Но в те годы я активно занимался театральной критикой и поэтому писал на программках какие-то, как мне казалось, важные цитаты и мысли.

О чем же, с помощью Соловейчика, я кричу сам себе через тридцать с лишним лет?

Главная тема спектакля: «Никому ничего не надо. Никто никому не нужен». Вот о чем не говорил — кричал Соловейчик в самый, замечу, разгар застоя.

Цитата: «Всё пустяки по сравнению с тем, что с людьми происходит».

Еще цитата: «Быть добрым — значит, быть необыкновенным».

И еще: «Количество на заводе. В школе — качество».

И писателем, и педагогом, и публицистом он был неуспокоенным. Видел все, что творилось тогда вокруг, многое понимал. Ему самому не очень-то уютно было жить в мире, в котором добро есть качество необыкновенное.

И очень хотел достучаться, докричаться не до мира вообще, а конкретно до детей и родителей. Чтобы они берегли друг друга. Чтобы хотя бы в семье добро стало нормой.

Симон Соловейчик родился в 1930 году в семье, которая в ту пору называлась «семья служащих», но на самом деле была семьей интеллигентов. Его отец — журналист, писатель. Мама — доктор, во время войны была главным врачом санитарного поезда, после Победы руководила одной из московских аптек.

Подростком два года Соловейчик провел в эвакуации на Урале. Вернулся в Москву. Поступил на филфак МГУ, по окончании которого преподавал русский язык и литературу в библиотечном техникуме. Тогда же приступил к написанию статей.

Первый журнал, в котором начал свою журналистскую деятельность Симон Соловейчик, назывался удивительно, почти по-зощенковски — «Строитель стадиона». Но уже в 28 лет Соловейчик стал корреспондентом очень популярного в ту пору детского журнала «Пионер».

Перестав преподавать в школе, Соловейчик, по сути, остался поразительным педагогом. Для своих читателей в первую очередь. Но и для тех молодых ребят, которые приходили к нему в «Комсомолку». Этот вывод я, что называется, проверил на себе: Симон Львович был и навсегда останется моим учителем.

Больше двадцати лет — с 1956 по 1977 год — Соловейчик работал в «Комсомолке».

Потом — уже в 80-е годы — была «Учительская газета», где вместе с главным редактором Владимиром Матвеевым он пытался по-человечески, неформально, говорить с учителями, рассказывал о педагогах-новаторах, собирал их в Москве, итогом этих встреч стал «Манифест педагогики сотрудничества».

Соловейчик вообще очень любил это слово — сотрудничество. Он считал — и этому посвящено немало в книге, которую Вы держите в руках, — что учитель и ученик, родители и дети должны вот именно — сотрудничать.

«Всматривайтесь в детей — поймете себя», — утверждал Соловейчик. Это важнейший не только философский, но, на самом деле, очень практический вывод. Он имеет к Вам, читателю этой книги, самое непосредственное отношение, не так ли?

Матвеевская команда в «Учительской газете» была разгромлена. Матвеева понизили до заместителя главного редактора, и через год после этого Владимир Федорович умер.

Соловейчик продолжал трудиться: вел педагогические колонки в журнале «Новое время». Много ездил, в том числе и за рубеж, искал новый педагогический опыт и рассказывал о нем.

Уже в новые времена, в 1992 году, основал газету и издательский дом «Первое сентября», которые стали его последним детищем.

Я пришел в газету «Комсомольская правда» в 1974 году, когда мне еще не исполнилось 15 лет.

Как я туда попал? Мне повезло: вступительное сочинение, которое я писал, надеясь поступить в Школу юного журналиста при журфаке МГУ, было признано хорошим и опубликовано в подростковой страничке «Алый парус» при «Комсомолке». Меня позвал в газету знаменитый журналист,

а впоследствии и политик, удивительно чистый и искренний человек Юра Щекочихин.

Придя туда, я еще не знал, что «Алый парус» придумал и организовал именно Соловейчик, вместе с тогдашним заведующим отделом школьной молодежи Иваном Ивановичем Зюзюкиным.

Первый выпуск «Алого паруса» вышел 25 сентября 1963 года. На дворе стояла знаменитая «оттепель», хотя «заморозки» уже случались все чаще. Ни в те времена, ни через десять лет, когда в «Комсомолку» пришел я, ни сегодня к подросткам мало кто относится всерьез. В лучшем случае их «награждали» (и «награждают») довольно унижительным определением «трудные» и — давай с ними и педагогически работать!

Когда Соловейчик и Зюзюкин поняли, что подростки — это люди, которые имеют право на высказывание в самой популярной в ту пору газете страны, — по сути они совершили революцию!

Термина такого «педагогика сотрудничества» в начале шестидесятых еще не было, но по сути она уже начала действовать.

Для меня, мальчишки, Симон Львович Соловейчик был живой классик, и я очень хорошо помню то потрясение, какое я испытывал, когда Соловейчик (!!!) с нами, пацанами, говорил заинтересованно (!!!).

Он никогда не спрашивал: «Как дела в школе?» — вопрос, от которого любой подросток готов взвыть. Он спрашивал о том, что тебя волнует и что тебе интересно. Ему — Соловейчику — было важно, чем живут школьники. Его не интересовали формальности, его волновала суть.

Когда Вы будете читать «Педагогику для всех», обратите внимание на то, что в этой довольно увесистой книге, нет ни одного формального, обязательного слова. Все — только по сути.

Соловейчик не пишет проповедь. Он высказывается. И уже дело читателя — принимать это высказывание, соглашаться с ним или спорить. Но равнодушным читатель не останется никогда.

Эту манеру разговора я очень хорошо помню по тому, как он говорил с нами, мальчишками.

Тогда же, в середине 70-х, Соловейчик вместе с журналистами «Комсомолки» Ольгой Мариничевой и Валерием Хилтуненом решили создать из нас неформальное объединение «Коммунарская бригада», сокращено — Комбриг.

Постепенно мы узнавали, что Комбриг — это своего рода отзвуки знаменитой Фрунзенской коммуны, которую открыл для читателей именно Соловейчик.

Боюсь, что большинству современных читателей словосочетание «Фрунзенская коммуна» не говорит ни о чем. Между тем, это было объединение, которое в самый разгар Советской власти работало с подростками по совершенно иным, вовсе не советским принципам.

Фрунзенская коммуна возникла во Фрунзенском Доме пионеров и школьников в Ленинграде (отсюда и название). У ее истоков стояли педагоги Игорь Петрович Иванов и Фаина Яковлевна Шапиро.

Уверен, что деятельность коммуны, ее принципы имели для Соловейчика огромное, если не сказать решающее значение, не случайно же он так много писал о ней.

Симон Львович составил и подготовил к печати книгу «Фрунзенская коммуна», которая вышла в издательстве «Дет-

ская литература» в 1969 году. Книга имела такой успех, что через три года она была переиздана. Вот бы ее переиздать сейчас! Правда, в этом случае пришлось бы снабжать ее многочисленными комментариями: ведь многое даже просто из лексики того времени современному читателю уже непонятно. Однако сама история и, главное, идеи Фрунзенской коммуны, убежден, будут не только интересны, но и весьма полезны сегодня.

Что же это были за идеи? Почему они до такой степени увлекли Соловейчика, что благодаря его усилиям о Фрунзенской коммуне узнала вся страна? В той книге, которую Вы сейчас держите в руках, эти идеи, кстати, тоже свое отражение нашли.

Откроем старую книгу. «...Что может предложить коммуна? Во-первых, необычных взрослых. Взрослых, которые во всем советуются с ребятами, всегда веселые, жизнерадостные, всегда шутят...

Во-вторых, радость сделанного дела. С первого же сбора один отряд пошел на завод с концертом, второй — в детский сад чинить игрушки, третий — в библиотеку, разбирать и приводить в порядок книги.

В-третьих, коммуна может предложить такую организацию, чтобы каждый коммунары действительно чувствовал себя ответственным за всю коммуны. Полное самоуправление...»

С одной стороны, в этих идеях, казалось бы, не было ничего особенно революционного. Но, с другой, они принципиально расходились с реалиями советской школы. Поэтому, когда коммунарыское движение начало развиваться слишком активно и, по сути, стало альтернативой комсомолу, его не то чтобы убили, а перестали поддерживать.

Но Соловейчик всюду, где мог, говорил об этом. Рассказывал. Объяснял. Увлекал. И когда мы, еще даже не молодые

журналисты, а пацаны и девчонки, пытающиеся овладеть профессией, пришли в «Комсомолку», Соловейчик стал идеологом нашего Комбрига.

Мы проводили коммунарские сборы и собственными глазами видели, как работают коммунарские идеи.

Где мы только эти сборы ни проводили! В Москве, в Челябинске — в знаменитой школе Владимира Абрамовича Караковского. Ездили даже в школу для трудновоспитуемых девочек-подростков в Ярославской, по-моему, области: пытались с помощью коммунарских идей воздействовать на юных проституток и убийц.

Сборы длились три дня. И — удивительное дело! — зашоренные советские школьники за три дня преображались! Они, как принято нынче говорить, — *реально* становились другими.

Благодаря чему? В первую очередь, благодаря абсолютно доброжелательной атмосфере сборов. Здесь никто никого не оценивал, и все друг друга слушали. Мнение каждого ребенка учитывалось. Здесь никто не заставлял никого ничего делать.

Вот мы оформляем школу в Челябинске, чтобы она выглядела повеселей. У кого какие идеи? Предлагайте — делайте. Вам нужны помощники? Кто готов помогать?

Одна из главных идей педагогической системы Соловейчика, которая никогда не декларируется, но является основой, фундаментом, сутью, — доброжелательность. То есть желание добра всем тем, кто рядом, — будь это твой собственный ребенок, ученик или соратник по коммунарскому сбору.

Я собственными глазами видел, что доброжелательность, оказывается, это серьезная сила. Попав в атмосферу добра, имея при этом конкретные задачи, дети начинали проявлять